

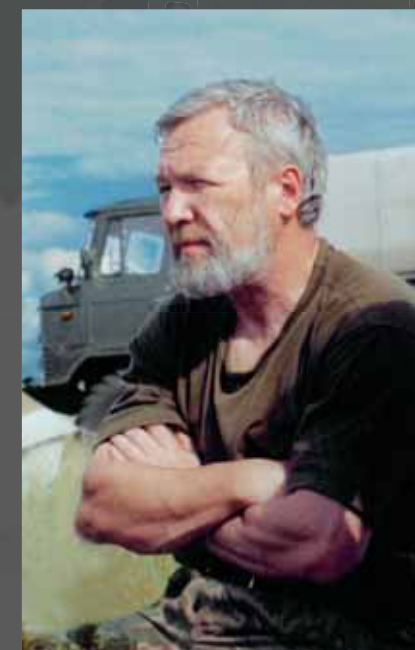
# МЕЧ КАРОЛИНГОВ

Фото А. Харитонова

В.И. МОЛОДИН

Сидя в палатке, освещенной слабыми бликами свечного огарка, я заканчивал описание очередного захоронения детского андроновского могильника, который мы обнаружили в Барабе, на правом берегу реки Оми, неподалеку от села Преображенска. На могильник натолкнулись случайно, раскапывая более древнее поселение так называемой кротовской культуры. Небольшое, явно детское захоронение перерезало культурный слой жилища. Конечно, такая находка — несказанная удача для археологов: почти неизвестная в то время кротовская культура обрела четкие хронологические рамки. Несмотря на молодость, я осознавал это отчетливо и потому стал расширять раскоп, пытаюсь нащупать всю площадь грунтового могильника, не имевшего рельефных признаков. Расчеты оправдались: на моем генеральном плане раскопок границы некрополя расширились. Сам по себе он тоже был крайне интересен: погребения были непотревоженными. В каждом из них стояли характерные для культуры сосуды, попадались бронзовые и даже золотые украшения, представляя не вполне стандартный для андроновской культуры погребальный обряд. Удача сопутствовала нам.

В этом году отряд был большой. Впервые я получил как никогда много денег на раскопки, автомашину ГАЗ-66 и разрешение вести работы в поле с мая по октябрь. В состав отряда входили студенты-практиканты только что открытого Омского госуниверситета, Новосибирского пединститута и школьники. А костяк составляли мои первые ученики — Саша Арапов, Витя Добжанский, Надя Нечепуренко, Витя Карякин, Саша



МОЛОДИН Вячеслав Иванович — действительный член РАН, доктор исторических наук, первый заместитель председателя СО РАН (г. Новосибирск), заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат международной премии А. П. Карпинского

Меч только что извлекли из земли. Он — в руках у Кости Самойлова, рядом справа — автор. Вокруг — студенты, счастливые участники событий



Липатов, Витя Май, Наташа Полосьмак, Витя Соболев, Саша Соловьев. Часть из них специализировалась у меня по археологии. Арапов, Карякин, Липатов и Май ездили в поле ради интереса — привлекала романтика походной жизни.

Такое обилие достаточно квалифицированных помощников позволяло вести раскопки сразу нескольких памятников, а наличие автомашины с надежным водителем Олегом Сентябовым за рулем — проводить эти раскопки на довольно значительном расстоянии.

Конечно, мотаться приходилось много. Почти каждый день, закончив дела на раскопе, я объезжал разбросанные по Барабе группы и возвращался в свой лагерь часто уже глубоко за полночь.

На завтра была запланирована поездка к самым отдаленным командам, работавшим у сел Туруновка и Венгерovo. На это мероприятие нужно было потратить целый день, однако поездка «с инспекцией» была совершенно необходима — ребята копали непростые поселенческие комплексы, и им могла понадобиться моя помощь.

За старшего на раскопе я оставил Сашу Липатова. Хотя он не бредил археологией, но человеком был в высшей степени надежным, ездил со мной уже третий сезон и многому успел научиться. К тому же мы начинали исследование нового участка, на котором, по моим расчетам, на захоронения должны были выйти лишь дня через два. Я наметил этот участок на черновом плане, оставалось сделать разбивку раскопа уже на месте, провести необходимую в таких случаях нивелировку поверхности — и можно начинать земляные работы.

...Погожим утром, какие часто бывают в Барабе в разгар лета, позавтракав, мы дружно отправились на раскоп. Наш лагерь раскинулся на живописной излучине Оми, на самом берегу реки. До раскопов было всего метров триста. В березовой роще, на краю слабо выраженной надпойменной террасы располагались курганы разных эпох и культуры, кротовское поселение и тот самый детский андроновский могильник.

Студенты уже начали работу. Слышались шутки, смех — ребята были полны сил.

Липатов и его небольшая группа ждали меня на месте, где мы собирались разбивать новый раскоп. Свободная от берез площадка была уже очищена от высокой травы. Одним бортом новый раскоп должен был примыкать вплотную к уже отработанному. Другой край почти достигал проселочной дороги, проходившей по пологому краю террасы. Здесь возвышалось несколько могучих берез.

Я сказал Саше, что следует разбивать раскоп, не доходя до березы:

— Замучаетесь с корнями, да и дерево может пострадать. К тому же, судя по нашим данным, могильник сюда уже вряд ли распространяется.

*Прямо в дерне, на очень небольшой глубине была расчищена довольно широкая полоска железа. Она на первый взгляд напоминала заржавленное полотно косы-литовки или полосу кровельного железа. Но что-то сразу насторожило меня...*

Уточнив еще какие-то детали и пожелав ребятам удачи, я уехал. День пролетел незаметно. Работа и в Туруновке, и в Венгерovo продвигалась быстро. Находок было много, да и на раскопах меня ожидало немало интересного. Домой возвращались поздно вечером. Прежде чем ехать в лагерь, я, конечно, завернул на наши раскопы, благо темнеет летом совсем поздно.

За день ребята почти разобрали несколько насыпей курганов. На одном из объектов была даже сделана подчистка всей площади на уровне материка (нетронутая поверхность), и в центре сооружения красовалось массивное ярко-черное пятно — след могильной ямы.

На раскопе Липатова разбивка была завершена, по периметру белели свежие березовые колышки. Более того — довольно значительная площадь была уже освобождена от дерна, а это самая трудоемкая работа! Словом, все было сделано правильно и красиво. Мне, правда, не понравилось, что раскоп был разбит метра на два длиннее, чем мы договаривались — его дальний придорожный край почти уперся в огромную березу. В результате получился небольшой по площади, но очень сложный участок: дерево не пострадает, но кому-то из студентов придется здесь явно несладко. Самое же главное, что, по моим расчетам, грунтовый могильник сюда уже не распространялся, и работа предстояла, в общем-то, пустая. От таких мыслей настроение мое несколько испортилось, и даже горячий ужин, который показался нам с Олегом безумно вкусным, не особенно поправил положение...

Студенты сидели вокруг ярко пылающего костра и пели песни. Липатов, конечно, был в центре внимания. Он превосходно играл на баяне, на слух тут же безошибочно воспроизводил любую мелодию.

Как же хороши такие вечера! Какие песни мы только не пели! Душа отдыхает. Все заботы и хлопоты кажутся вполне преодолимыми. Все возвышенное и дорогое — обостряется, и ты живешь песней, вместе с нею мечтаешь, любишь, грустишь... В экспедиции петь любят почти все, поэтому хороший гитарист или баянист всегда в цене. Александр Липатов в этом отношении — личность совершенно незаурядная. И сегодня, тридцать лет спустя, встречаясь у него дома, мы всегда достаем баян...

...И в тот давний вечер музыка очень быстро сняла напряжение. Все мое недовольство и уже готовые сорваться с языка упреки рассеялись, как будто их и не было. Как всегда, по палаткам разошлись далеко за полночь.

Претензии Липатову я высказал утром. Саша не оправдывался. Сказал, что боялся ошибиться при разбивке раскопа и резонно решил: пусть уж лучше немного перекопает, чем не докопает. В общем-то, правильно решил...

На этом раскопе работа шла, как всегда, ударными темпами. Конечно, всех «заражал», прежде всего, сам Липатов, который мастерски управлялся с лопатой: работал азартно и красиво — давала себя знать крестьянская закалка.

Как обычно, на раскопках время для меня летело незаметно и очень быстро подвигалось к обеду. На одном из исследуемых курганов мы приступили к расчистке погребения. Дело кропотливое, трудоемкое и очень ответственное. Я всегда старался присутствовать

на раскопе в этот момент, чтобы не только помочь советом, но и зафиксировать какие-то нюансы и тонкости (которых всегда хватает!) в дневнике.

К раскопу подошел Костя Самойлов, работавший на объекте у Липатова. Глянув на часы, я решил, что ребята закончили немного пораньше. Когда остается совсем мало времени до обеденного перерыва, лучше не начинать новый этап земляных работ, дабы не оставлять взрыхленную землю в раскопе. Это железное правило, потому что если в перерыве вдруг пойдет дождь, то раскоп может превратиться в болото. Однако я ошибался. Оказалось, Костя пришел за мной, так как наткнулись они на «какую-то железяку» — прямо под деревом, у березы. Похоже, коса...

...Под березой столпились все обитатели Сашиного раскопа. Дерн был снят практически на всей площади, и только здесь, под деревом, зеленел островок нетронутой травы. Двое ребят медленно срезали кусочки дерна, а потом расчищали освобожденную площадь широкой щеткой. Ребята расступились, и я присел рядом

Наталья Полосьмак, студентка 4-го курса гуманитарного факультета НГУ, участник экспедиции, с мечом после реставрации в Эрмитаже (сейчас она известный исследователь пазырыкской культуры, доктор наук, главный научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск)



с работающими парнями. Действительно, прямо в дерне, на очень небольшой (3–5 см от поверхности) глубине была уже расчищена примерно сантиметров на 30 довольно широкая полоска железа. Она и вправду на первый взгляд напоминала заржавленное полотно косы-литовки или полоску кровельного железа, но что-то сразу насторожило меня. Липатов молча протянул раскопачный нож, и я присел на его место. Щетка еще раз прошла по металлу, сдувая с него комочки земли... Я не верил своим глазам. Неужели?! Сам беру щетку и расчищаю уже всю освобожденную полоску железа. Так и есть! По центру полоски проходит слабо заметная ложбинка — углубление...

— Так это же дол! — восклицаю я. На меня смотрят с недоумением.

— Дол, — повторяю я и рисую карандашом на обрывке бумаги клинок. — По центру древних мечей с двух сторон проходит ложбинка, которая называется дол. Никакая это не коса, а по-видимому, меч с долем! — уже не говорю, а почти кричу я...

Я попытался отправить всех на обед, но ребята, понятно, отказались ехать. Медленно, сантиметр за сантиметром мы удаляли кусочки дерна. По мере того, как полоска железа освобождалась все больше, становилось очевидным, что в одну сторону она явно расширялась, а в другую — сужалась. Это был, действительно, настоящий боевой клинок. Он, конечно, заржавел, однако, благодаря покрывавшей его плотной темно-коричневой патине, практически не пострадал. Потребовалось еще около часа, чтобы расчистить находку полностью, и нашим изумленным взорам предстал массивный, около метра длиной, железный меч с характерной для средневековых богатырских мечей железной рукоятью, с отчетливо выраженной перекладной гарды и трехчастным навершием. Сохранность изделия была просто удивительная, и все-таки я боялся приподнять его. Мы уже занесли меч



на генплан, зарисовали и сфотографировали, а я все медлил. Мне почему-то казалось, что стоит только приподнять предмет, как он неминуемо развалится в руках...

Поддев тонким лезвием раскопачного ножа, я приподнял изделие, и, взяв за рукоять и приостренную оконечность, все-таки оторвал от земли увесистый клинок. Я, конечно, видел подобное в музеях и на страницах научных книг, но в руках держал впервые: меч как будто только что прилетел к нам из русской сказки о богатырях. К тому же все то, что мне доводилось ранее видеть, было значительно худшей сохранности, чем наше сокровище.

Я медленно перевернул меч в руках. На рукояти и в центре лезвия блестели серебряные крапинки — пробивающиеся сквозь ржавчину инкрустации...

Находка пошла по рукам. Постепенно мы оправались от шока и заговорили все сразу. Удивлению и восторгу, казалось, не будет предела. Как попал этот, явно европейский меч сюда, в центр Западной Сибири?! Почему так прекрасно сохранился? Наконец, случайно ли то, что меч был найден на территории значительно более древнего, чем он сам, могильника? Все эти и многие другие вопросы тут же стали предметом оживленной дискуссии, в которой приняли участие все, кто был на раскопе.

В лагере я очистил находку от земли и уже без спешки рассмотрел ее. Меч был действительно великолепен, а сохранность такова, что им вполне можно было бы воспользоваться как боевым оружием. Интересно, что серебряные вкрапления поблескивали не только на рукояти, но и на обеих сторонах лезвия.

После того, как весь отряд с пристрастием рассмотрел находку, меч был тщательно упакован в деревянный футляр.

И вдруг меня как током ударило! А что если бы Липатов не ошибся и разбил раскоп в параметрах, которые указал я? Меч так бы и остался — уже навсегда — лежать под березой, пока коррозия, века через два-три, окончательно не справилась бы с ним?.. Вот уж, действительно, случайность из разряда фантастических! Кстати, позже, когда мы дошли до материка в этом раскопе, мои расчеты полностью подтвердились. Несколько детских андроновских захоронений мы на самом деле обнаружили примерно на той площади, что и предполагали. На участок же, где был найден меч, могильник не распространялся...

Саша, конечно, прекрасно понимал цену своей «ошибки», но соль мне на раны не сыпал и самолюбие молодого кандидата исторических наук не тревожил. Хватило и у меня ума публично порассуждать об «ошибке» Липатова, продемонстрировав тем самым всему отряду, кому мы действительно обязаны замечательной находкой.



У Алексея Павловича Окладникова было одно железное правило. После окончания полевого сезона он обязательно находил время для личного знакомства с материалами, полученными экспедиционными отрядами Института в поле.

Таким образом, директор прекрасно представлял себе не только сделанное за лето сотрудником, о чём можно было узнать и из наших регулярных отчётов, которые мы делали зимой на заседаниях отдела, но и знакомился с самим материалом, что для археолога — дело наиважнейшее. Польза была обоюдная. Окладников держал руку на пульсе событий, а его комментарии при совместном осмотре коллекций были для нас, молодых археологов, просто бесценны. Обладая энциклопедическими знаниями, удивительной памятью, А. П. высказывался по поводу увиденного, советовал, где можно посмотреть аналогии, щедро делился мыслями по поводу интерпретации материалов.

В 1975 году я вернулся из экспедиции уже в середине октября. Мы завершали сезон на Илимском остроге в Восточной Сибири. И здесь удивительных находок (как и приключений) было немало — однако это уже другая история.

В институте нас, начальников экспедиционных отрядов, всегда ожидали хлопотные дни. Нужно было сдавать финансовый отчёт, экспедиционное имущество, готовиться к отчёту научному. Наконец, нас ожидало самое главное — разборка добытого за лето материала, его обработка, подготовка научного отчёта в Москву, ну и, разумеется, научная работа — обобщение полученного в поле материала, работа над публикациями. При таком ритме, если, конечно, к делу относиться серьёзно, свободного времени практически не было.

Дня через два-три после приезда меня нашла на нашем чердаке референт Окладникова — Нэлли Васильевна Ворошилова.

— Шеф просил тебя зайти к нему после обеда. Хочет послушать о работах в Илимске, спрашивал, что ты там накопал.

Замечательных находок в этом году у нашего отряда было предостаточно. Бывают такие удачные годы. Это не связано с особым расположением звёзд на небе или с каким-то везением. Нет. Здесь, можно сказать, проявляется известный философский закон перехода количества в качество: количество сделанного обязательно переходит в качество, что в нашем случае проявилось в уникальности находок.

Для похода к директору я отобрал несколько бронзовых украшений и роскошный гребень, увенчанный двумя орлами, из могильника Кыштовка-1, золотые



Общение с Алексеем Павловичем Окладниковым, совместная работа с этим замечательным ученым всегда были для меня огромным счастьем. На этой фотографии запечатлен рабочий момент на стоянке Улалинка. На снимке справа А. П. Окладников, слева автор, в центре сотрудник Горно-Алтайского пединститута В. Н. Елин

серьги эпохи бронзы из Преображенки, несколько крестов-тельников из Илимского острога, деревянную фигуру распятого Иисуса — тоже из Илимска, и, конечно, меч.

Признаюсь: при встречах с Алексеем Павловичем я всегда испытывал некое душевное волнение, так как общаться с этим человеком всегда было непросто. Возможно потому, что А. П. видел, что называется, насквозь, не только проблемы, связанные с археологией, но и человека — его интеллектуальный потенциал в том числе. Опростоволоситься было стыдно. Алексей Павлович страстно любил археологию, всё остальное в жизни было для него как бы вторичным, и мне хотелось максимально походить на него. Излишне, думаю, говорить, как я дорожил мнением шефа и его оценкой моей работы.

Алексей Павлович слушал молча, изредка вставляя вопросы. Его действительно очень волновал Илимский острог, на котором я работал уже третий сезон. Срок затопления территории, на которой находился этот

памятник, приближался. Закончил я отчёт историей о мече, подчеркнув, что изделие явно европейское, датируется XI—XIII в. и что восточнее города Муромы такие мечи не находили. (Последние сведения я получил уже в Новосибирске, полистав специальные монографии по оружию.)

Доклад мой, похоже, понравился Алексею Павловичу:

— Срочно статью по мечу, Слава, в наши «Известия», и подумайте над тем, как он все же мог попасть в Барабу. Может, это меч самого Ермака?!

Получив такое задание, я на время отложил в сторону другие дела и взялся за статью. Конечно, тема эта была для меня новой, но крайне интересной, к тому же не давала покоя и мысль Алексея Павловича о Ермаке. Работу я закончил довольно быстро, и уже в 1976 г. в одном из номеров «Известий Сибирского отделения АН СССР» была опубликована моя статья «Находка меча из Западной Сибири», которая, надо сказать, до сих пор остается востребованной специалистами.

Весной 1977 года Окладников улетал в командировку в Ленинград. Приглашение принять участие в поездке было для меня неожиданным, но весьма значимым. А. П. решил, что мне необходимо сделать серьезный научный доклад в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Главное же, думаю, было в другом. Окладников договорился, чтобы барабинский меч отреставрировали в Государственном Эрмитаже, и примерно полгода назад я отвезил его ленинградским реставраторам. Работа, как нам сообщили, была закончена, предстояло ее принять. Конечно, Алексей Павлович мог это сделать и без моего участия, но он почему-то посчитал необходимым, чтобы я при этом присутствовал. К тому же в Эрмитаже мне нужно было проконсультироваться с нумизматами и специалистами по восточным металлическим зеркалам в связи с последними находками на позднесредневековом могильнике Кыштовка-2. В этих вопросах протекция академика была очень важна, а с профессором Иваном Георгиевичем Спасским — нумизматом мирового класса — Окладникова связывала совместная работа над материалами русских землепроходцев с острова Фаддея и залива Симса, полученными Алексеем Павловичем сразу после войны.

Забегая вперед, замечу, что поездка оказалась очень полезной и в целом успешной. Расскажу лишь об эпизодах, связанных с мечом, тем более что они небезынтересны, а порой даже забавны.

Итак, после моего довольно удачного доклада в ЛОИА Алексей Павлович предложил отметить это событие вечером в его ленинградской квартире, располагавшейся недалеко от Московского вокзала. А. П. был в прекрасном расположении духа, шутил и вспоминал много интересного из своей прежней ленинградской жизни. О консультации у Спасского Окладников договорился и вспоминал по этому поводу, как они с Верой Дмитриевной — женой и спутницей — сразу после войны, в труднейших сибирских условиях работали на побережье Северного ледовитого океана, изучая остатки стоянки русских арктических мореходов. Со смехом рассказывал, в частности, о посещениях экспедиционного лагеря любопытствующими и воровавшими продукты белыми медведями.

На следующий день, около 12-ти, мы должны были забирать меч.

— Так что не опоздайте, Слава, да не заблудитесь в Эрмитаже! — напутствовал меня Алексей Павлович на прощанье. Оказывается, отреставрированную находку нам должен был передать сам директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский, с которым у А. П. были очень теплые отношения.

От гостиницы Академии наук на улице Халтурина, где я остановился, до Эрмитажа — рукой подать. Рано утром со служебной проходной я позвонил И. Г. Спас-

скому, меня встретили и проводили в его кабинет. Через залы Эрмитажа, экспонаты которых чрезвычайно притягивали к себе, шли мы довольно долго, но поскольку сопровождавшая меня женщина явно спешила, я старался не отставать от нее, фиксируя в памяти номера залов.

Иван Георгиевич Спасский совсем не походил на профессора. В общении и внешне он скорее напоминал сельского учителя — знающего, мудрого и доброго. Но сразу подкупал великолепным знанием предмета: буквально за считанные минуты «разбросал» привезенную мной коллекцию монет и счетных жетонов по хронологии, сопровождая эту процедуру исчерпывающими комментариями. Я едва успевал записывать.

Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Окладников, сообщил, что время встречи перенесено и мне срочно надо быть у Пиотровского.

Бросать вот так, вдруг, Спасского было крайне неудобно, но А. П., как бы почувствовав мои колебания, бросил лишь одно слово «быстро!» и повесил трубку.

Легко сказать «быстро», оказалось, я почти не запомнил дорогу. Надо было, конечно, попросить, чтобы меня проводили до приемной директора, но подумал я об этом лишь минут через пять, когда понял, что через этот зал я вроде бы не проходил... Чудом мне удалось довольно скоро выйти к служебному входу, откуда до кабинета Пиотровского было совсем близко...

Директора Эрмитажа, к счастью, еще не было, но не успели мы с Алексеем Павловичем поздороваться, как в приемную вошел Пиотровский. Окладников представил меня.

— А меч-то вы, молодой человек, просто изумительный откопали. И как только он к вам в Сибирь попал? Ведь явно же европейская работа! — С этими словами Борис Борисович подошел к своему рабочему столу и протянул мне меч.

В моих руках был меч, однако это был уже совсем другой меч. После удаления ржавчины клинок тускло поблескивал характерным для железа стальным цветом, а рукоять была покрыта великолепным орнаментом, выполненным серебряной инкрустацией. Узор явно напоминал скандинавскую вязь. Но и это было еще не все! По обеим сторонам клинка красовались латинские буквы и какие-то знаки, без сомнения, составляющие надписи.

Я молча передал меч Окладникову, который был явно потрясен увиденным, пожалуй, не меньше, чем я.

— Блестящая работа, — сказал Алексей Павлович.

Пиотровский, явно довольный произведенным эффектом, с улыбкой спросил:

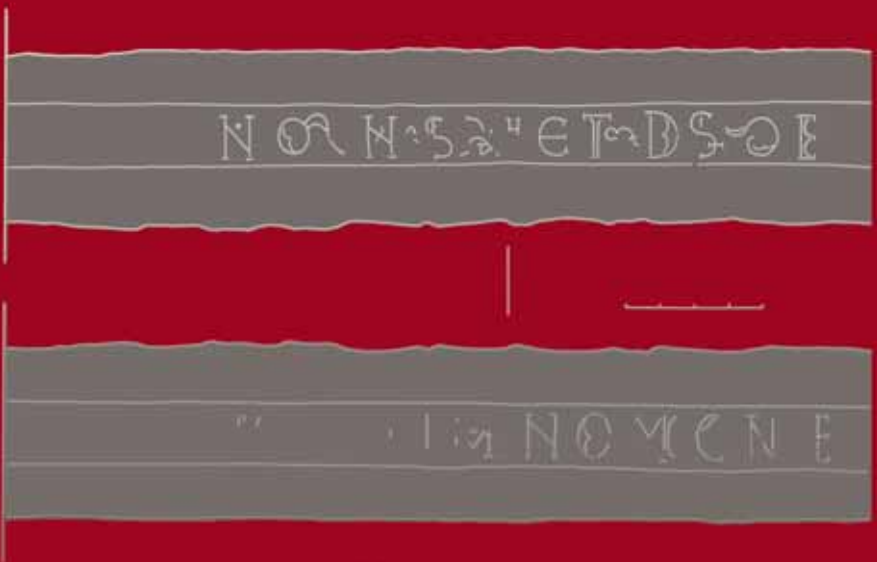
— Так что же, Алексей Павлович, как вам мое предложение? Это, несомненно, один из лучших по сохранности европейских мечей в нашей стране, и я бы с огромным удовольствием поместил его в экспозицию нашего музея.



Фото А. Харитоновой



«N[omine] M[atris] N[ostr]i S[alva]t[OR]is E[te]Rni D[omini] S[alvato]ris E[te]Rni», «C[hR]ist[us] I[h]e[sus] C[hR]ist[us]» — «*Во имя матери нашего спасителя вечного, господи спасителя вечного. Христос Иисус Христос.*»  
 На оборотной стороне клинка — «NOMENE»: «N[omine] O[mnipotentis]. M[at]eR. E[te]Rni N[omin]e» — «*Во имя Всемогущего. Богоматерь. Во имя Вечного.*»



Окладников густо покраснел. Так всегда бывало, когда он сильно волновался или сердился. Однако хладнокровие в этот нелегкий момент не изменило шефу. Он тоже лукаво улыбнулся, глядя на Пиотровского:

— Я бы с радостью, Борис Борисович, так ведь он (кивнул Окладников в мою сторону) наверняка не отдаст.

И оба академика дружно рассмеялись. Напряжение тут же спало, а я торопливо стал заворачивать меч в оберточный материал, который лежал тут же на столе, чем еще больше развеселил корифеев.

— Да, бросьте вы, Слава, это занятие, — смеясь, говорил Пиотровский. — Отдадим, отдадим ваш меч, но пусть его все-таки реставратор запакует, как следует, ведь везти-то далеко!

Потом, прощаясь со мной в вестибюле, довольный и счастливый не меньше меня Окладников сказал:

— Конечно, прав Борис Борисович. Место ему в Эрмитаже, так ведь и наш музей хорош. Чего же мы родной Академгородок обижать будем?!

На следующий день мы вылетали домой. В Пулковском аэропорту предстояло проходить досмотр, который в те времена был более щадящий, чем в наши дни. О террористах мы знали только из книг и газет, однако случались продажи за границу антиквариата и особенно икон, поэтому необходимыми бумагами для провоза меча мы запаслись предварительно.

Меч, обмотанный мягкими тканями и дополнительно плотно перебинтованный, был запакован в специальную коробку. Распаковывать его до прилета в Новосибирск мне, естественно, не хотелось. А. П. посоветовал сходить в дежурную милиционную часть и показать там сопроводительные документы, полученные в Эрмитаже.

Молодой парень, в штатском, быстро просмотрел бумаги и недоверчиво окинул взглядом упакованную коробку.

— И что, действительно, настоящий европейский меч?

В это время в комнату вошли несколько его коллег и тоже с интересом стали читать документы.

— А нельзя ли все-таки посмотреть? — сказал один из них. — Мы вам верим, конечно, но уж больно интересно.

Ну что тут поделаешь?! Пришлось меч все-таки распаковать! На смотрины собрался весь отдел милиции аэропорта. При этом пришлось ответить на десятки вопросов: и про меч, и вообще про археологию. На посадку меня провожали едва не последнего. Алексей Павлович и Саша Конопацкий (неизменный верный спутник и помощник А. П., который также в эту поездку был с нами) уже начали волноваться...

Так меч вернулся в Сибирь. Правда, в экспозицию Алексей Павлович помещать его тогда не рискнул,

опасаясь, как он сказал мне, «любопытствующих мальчишек, которые для приобретения подобного оружия готовы на все...» Не знаю, действительно ли опасался Окладников каких-то мальчишек, или были другие причины, но меч так в экспозиции и не попал...

Публично Алексей Павлович продемонстрировал его на заседании Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР. Эффект был потрясающим. Меч пошел по рукам, довольный Окладников давал комментарии и отвечал на многочисленные вопросы. В заключение Алексей Павлович указал на меня, как на автора этой «выдающейся», как он сказал, находки. Признаюсь, предстать в таком качестве перед элитой научного сообщества было очень приятно.

Так что же можно сказать о той давней находке сегодня, с позиций последних достижений науки? Мечу были посвящены две научные статьи. Первую по поручению А. П. Окладникова я написал сразу, по горячим следам. В ней в целом правильно определена хронология меча и сделана попытка представить пути, по которым это изделие могло попасть в Западную Сибирь.

В 1980 г. в альманахе «Памятники культуры» была опубликована статья Д. А. Дубоглава и А. Н. Кирпичникова «Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири». Исследование, выполненное уже после расчистки изделия в Эрмитаже реставратором Н. А. Серовой, дало возможность существенно дополнить имевшуюся ранее информацию. И если по датировке и одной из версий появления меча в Сибири расхождений у авторов почти не было, то мои ленинградские коллеги (профессор А. Н. Кирпичников является крупнейшим знатоком европейского оружия) предложили расшифровку надписей на клинке, что существенно обогащает наши знания о предмете. Кроме того, анализ написания букв позволил предложить сделать эту датировку более точной (узкой).

Основываясь на этих данных, можно сегодня поведать увлекательную и правдивую историю о преображенском мече. Конечно, не все в ней будет доказанным, тем не менее версии эти и сегодня используются моими коллегами-профессионалами. (Примечательно, что и в настоящее время меч является первой и единственной находкой европейского средневекового оружия в Азии!)

Итак, история меча уходит в XI — начало XIII вв. (судя по анализу надписи, последняя была выполнена в конце XII — начале XIII в., по-видимому, так и следует датировать эту находку). Клинок меча был изготовлен в Центральной Европе, вероятно, где-то на территории Германии, в бассейне Рейна, а затем оказался в Швеции или на острове Готланд, где клинок снабдили богато украшенной серебром рукоятью.

Об этом говорит специфический «рунический» узор, характерный для шведов и ливов. На обеих сторонах клинка была нанесена надпись, представляющая собой некое сокращение, при этом сама каллиграфия неопровержимо свидетельствует о «развитой стадии эпиграфических приёмов письма». Прочтение сокращённой латинской надписи оказалось делом непростым, тем не менее, оно было блестяще решено специалистами. В результате основная надпись, нанесённая на клинок, выглядит следующим образом: «N[omine] M[atris] N[ostri] S[alva]t[ORis] Et[eRni] D[omini] S[alvatoRis] E[teRni]», а дополнительная надпись на этой же стороне клинка «C[hRis]t[us] Ih[esus] C[hRis]t[us]», что в переводе означает: «Во имя матери нашего спасителя вечного, господина спасителя вечного. Христос Иисус Христос».

На оборотной стороне клинка начало надписи утрачено, и хотя оставшаяся часть позволяет реконструировать её с некоторой долей условности, тем не менее, отчётливо читаемое на клинке «NOMENE» можно реконструировать как: «N[omine] O[mnipotentis]. M[ateR]. E[teRni] N[omin]e», что в переводе означает: «Во имя Всемогущего. Богоматерь. Во имя Вечного».

Таким образом, религиозный посвятельный смысл надписи — имени Богоматери — очевиден.

Но как же попал этот замечательный меч, грозное и дорогостоящее оружие, за пять тысяч километров на восток от места изготовления?

Первый вариант ответа, предложенный мною и несколько дополненный Д. А. Дубоглавым и А. Н. Кирпичниковым, лежит, в общем-то, на поверхности. Его приняли и другие исследователи, обращавшиеся впоследствии в своих трудах к данной находке.

Меч мог попасть в Западную Сибирь благодаря торговым связям. Так еще в 30–50-е годы XII столетия Абу Хамид ал-Гарани, путешествуя по русским землям, сообщает о том, что восточные клинки завозились купцами в северную Югру. Именно здесь, на севере, проходил древний путь из Руси в Приобье, который носил название Зырянской дороги, или Русского теса. Путь этот действовал в XII веке и документирован, как сообщает В. П. Даркевич, по находкам динариев, гривен, серебряных сосудов и других предметов. В Зауралье, в Среднем и Нижнем Приобье обнаружены многочисленные предметы средневекового ювелирного искусства, попавшие сюда с запада. Так, на Урале зафиксировано более ста кладов серебряной утвари. В низовьях Оби найдена, например, серебряная чаша XII–XIII в. — редчайший образец лиможской черни. Прекрасные блюда из серебра с позолотой были неоднократно обнаружены, в том числе и в последние годы, этнографами нашего Института докторами исторических наук И. Н. Гемуевым и А. В. Бауло на святилищах хантов и манси Нижней и Средней Оби.

Предлагаемое объяснение, повторяю, выглядит вполне логичным, остается, впрочем, одно маленькое «но», которое предпочитают не замечать сторонники данной гипотезы.

А дело в том, что от Нижнего и даже Среднего Приобья путь в Барабинскую степь был также неблизкий и исчислялся не менее чем сотнями километров. Русские впервые попали на эту территорию только с отрядами легендарного Ермака, поэтому ни о каком «лесном торжище» в центре Барабинской степи говорить не приходится. Но если данная модель появления меча в Сибири все-таки верна, то на юг, в Обь-Иртышскую лесостепь, он попал, скорее всего, случайно — в результате обмена (или военного трофея?) между степным тюркоязычным и таежным угорским населением. Тем более, что контактная зона этих сибирских суперэтносов проходила всего в какой-то сотне километров от места находки.

Однако было у меня и другое объяснение. Правда, на него никто из ученых не ссылается, поскольку, вероятно, всерьез не принимают. Единственный, кому эта идея понравилась, был академик Окладников, об этом он даже написал в одной из последних своих работ...

Гипотеза, о которой я расскажу, выглядит настолько смело и даже фантастично, что сегодня, наверное, я бы никогда не вставил ее в научную работу. Но

с другой стороны — выглядит очень красиво. К тому же в жизни порой происходят события покрупнее самой смелой фантастики.

Я и сейчас, когда пишу эти строки, полагаю, что нельзя исключать вариант, что меч попал в Барабу вместе с отрядами Ермака. Ведь, несмотря на наличие у казаков огнестрельного оружия и сабель, даже стрелечьи отряды, экипированные более современным для своего времени оружием, еще пользовались мечами. Поэтому вполне возможно, что казаки Ермака имели их на вооружении.

Продвигаясь на восток, казаки постоянно сталкивались с отрядами хана Кучума, а в районе Барабинской степи — с мурзой Карачи, который имел кочевья по реке Оми. По некоторым свидетельствам осенью 1583 года мурза Карачи обманом заманил к себе в ставку сподвижника Ермака Ивана Кольцо вместе с отрядом в 40 человек и расправился с ними. Да, да, того самого легендарного Кольцо, который привез в подарок Ермаку доспехи от царя Ивана Грозного!

В данной связи уместно предположить, что ставкой Карачи могло быть городище XV–XVI века, расположенное в Барабинской лесостепи в каких-нибудь 2,5–3 км от места находки меча и в километре от современного села с названием... Старые Карачи! Не память ли это о мурзе Карачи и его владениях?!

Представим последний бой казачьего отряда, возглавляемого Иваном Кольцо. Нападение неожиданно. Кто-то сразу погиб от предательского удара в спину, кто-то успел выхватить саблю или меч и сражается с наступающими татарами. Силы неравны. Казаки пытаются пробиться сквозь толпу неприятелей, однако ряды бойцов быстро тают. Иван сразил уже не одного противника. В руках у него сверкает богатырский меч — подарок русского царя. В отчаянии Иван и еще несколько оставшихся в живых казаков буквально прорубают себе дорогу к коновязям, где оставлены верные кони. Удар, еще удар, и вот нога Ивана уже в стремени, и вот он уже мчится по степи, и конь все дальше уносит его от кровавой сечи. В спину дышит погоня, летят стрелы. Мимо! Снова мимо! И вдруг... что-то обожгло, перехватило дыхание. Меч выпадает из богатырской руки и остается лежать под стоящей у дороги молодой березкой... Левая рука еще какое-то время держит повод... Последнее, что увидел Иван Кольцо, — оскал догнавшей его низкорослой татарской лошади...

Может быть, я угадал и все было именно так, может быть, иначе... Но все-таки версию о том, что последним владельцем преображенского меча был легендарный Иван Кольцо, исключать не хотелось бы — уж больно красивая легенда!

Академгородок — Бараба.  
Март — июль 2003 г.

Редакция благодарит сотрудника музея  
ИАЭТ СО РАН, хранителя коллекции И. И. Кедрову